

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе..., с участием представителей заявителя Х. – адвокатов С. (регистрационный номер в реестре адвокатов года Москвы ...; удостоверение адвоката № ..., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 13 июля 2018 года), Ч. (регистрационный номер в реестре адвокатов года Москвы ...; удостоверение адвоката № ..., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 13 июля 2018 года), адвоката М., его представителя – адвоката К. (регистрационный номер в реестре адвокатов года Москвы ...; удостоверение адвоката № ..., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве 26 февраля 2003 года; ордер № ... от 09 июля 2020 года), рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Х. от 27 февраля 2020 года (вх. № ... от 16.03.2020) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 15.07.2020 адвокат М. совершил нарушения:

- части 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства) во взаимосвязи с п. 2 и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в его явке 26 марта 2020 года на допрос к следователю в качестве свидетеля по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации, и даче показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью обвиняемого Х.;

- пунктов 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в оформлении им ордера от 10 марта 2019 года с предметом поручения «представлять интересы на предварительном следствии в СК РФ Х.» и в посещении 11 марта 2019 года Х. в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве без цели оказания обвиняемому Х. юридической помощи.

Представители заявителя Х. адвокаты С. и Ч., участвовавшие в заседании Совета посредством видео-конференц-связи пояснили, что Заключение Квалификационной комиссии получили своевременно, ознакомились с ним, с выводами Комиссии полностью согласны. В случае согласия Совета с выводами, изложенными в Заключении Комиссии, определение меры дисциплинарной ответственности адвоката М. оставили на усмотрение Совета.

Адвокат М. и его представитель адвокат К., также участвовавшие в заседании Совета посредством видео-конференц-связи, подтвердили своевременность получения ими Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, высказали свое несогласие с выводами, изложенными в указанном Заключении, указав, что, по их мнению, оценка Квалификационной комиссии действий М. как адвоката Х. является ошибочной, так как М. не являлся адвокатом Х. и, следовательно, запрета, предусмотренного пунктами 2 и 3 части 3 ст. 56 УПК РФ, нарушить не мог. Кроме этого, ими было отмечено, что, по их мнению, Квалификационная комиссия в нарушение пункта 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката изменила основания жалобы Х., построив дисциплинарные обвинения на ошибочном толковании обстоятельств о днях встреч адвоката М. с Х. в ноябре 2018 года и марте 2019 года. Одновременно с этим адвокат М. просил учесть, что впервые оказался в подобной ситуации, не исключает ошибочности каких-то своих действий, сожалеет, что не использовал возможность до явки на допрос и дачи показаний в качестве свидетеля по уголовному делу № ... обратиться за советом в Адвокатскую палату города Москвы.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии от 15.07.2020 и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии об установленных ею фактических обстоятельствах в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Вместе с тем, Совет считает необходимым частично изменить правовую оценку, содержащуюся в Заключении Квалификационной комиссии.

Кроме того, Совет расценивает дату 26 марта 2020 года, указанную в резолютивной части Заключения Квалификационной комиссии как день явки адвоката М. для допроса и дачи им показаний, как техническую ошибку (опечатку), так как в действительности датой допроса адвоката М. в качестве свидетеля по уголовному делу № ..., согласно протоколу его допроса, копия которого имеется в материалах дисциплинарного производства, является 26 марта 2019 года. В описательно-мотивировочной части Заключения Квалификационной комиссии также указана дата допроса 26 марта 2019 года, которую никто из участников дисциплинарного производства не оспаривает. Помимо этого, жалоба Х. от 27 февраля 2020 года поступила в Адвокатскую

палату города Москвы 16 марта 2020 года (входящий № ...), что само по себе исключает возможность указания на 26 марта 2020 года как на дату совершения адвокатом М. дисциплинарного нарушения. Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о том, что дату 26 марта 2020 года, указанную в резолютивной части Заключения Квалификационной комиссии, следует читать как 26 марта 2019 года.

Совет признаёт, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а его вину доказанной, установлены факты явки 26 марта 2019 года адвоката М. на допрос к следователю в качестве свидетеля по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации, и даче показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью обвиняемого Х.

Совет также признаёт правильно установленными Квалификационной комиссией фактические обстоятельства, касающиеся оформления адвокатом М. ордера от 10 марта 2019 года с предметом поручения «представлять интересы на предварительном следствии в СК РФ Х.» и посещения 11 марта 2019 года Х. в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве на основании этого ордера.

Совет отмечает, что, вопреки утверждениям адвоката М. и его представителя адвоката К., разбирательство в Квалификационной комиссии осуществлялось в пределах тех требований и по тем обстоятельствам, которые изложены в жалобе Х., а также с учётом объяснений самого адвоката М. и других материалов дисциплинарного производства. Выхода за пределы дисциплинарного разбирательства Квалификационной комиссией не допущено, поскольку существо выдвинутого Х. дисциплинарного обвинения заключается в явке адвоката М. на допрос и даче им показаний в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в результате конфиденциального общения с заявителем Х., без согласования с последним. При этом факт и содержание этого общения, равно как и свидетельских показаний адвоката М., материалами дисциплинарного производства достоверно установлены и не отрицаются самим адвокатом М. То обстоятельство, что заявитель Х. в своей жалобе не указывает на первоначальную встречу с адвокатом М. в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве в ноябре 2018 года, факт которой также установлен материалами дисциплинарного производства и подтверждается самим адвокатом М., не влияет на существо дисциплинарного обвинения и не означает выхода за его пределы.

Как было достоверно установлено Квалификационной комиссией, поводом для вызова адвоката М. 26 марта 2019 года на допрос в качестве свидетеля, произведённый следователем следственной группы Главного

управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации А. по уголовному делу № ... по обвинению Х., явился разговор адвоката М. со следователем К., состоявшийся 23 ноября 2018 года, содержание которого было зафиксировано правоохранительными органами в рамках проводившихся оперативно-розыскных мероприятий.

Квалификационной комиссией установлен, и адвокатом М. не отрицается, тот факт, что в указанном разговоре между ним и следователем К. обсуждались результаты встречи адвоката М. с заявителем жалобы Х. в помещении ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве в ноябре 2018 года, в ходе которой Х., будучи ранее знаком с адвокатом М. и в силу этого достоверно зная, что перед ним именно адвокат, сообщил ему существенные сведения, связанные с позицией по уголовному делу, по которому он (Х.) привлечен в качестве обвиняемого, а также высказал заинтересованность в изменении ему меры пресечения на более мягкую. Со своей стороны, адвокат М., выступая в именно в этом качестве, предложил Х. заключить с ним соглашение о представлении его интересов на предварительном следствии, а также дал ряд подробных консультаций, касающихся возможной позиции по делу, тактики, стратегии и способов защиты, выстраивания взаимоотношений со следственным органом, способов решения задачи по изменению Х. меры пресечения с содержания под стражей на домашний арест. Х., в свою очередь, по результатам полученной им от адвоката М. консультации, обещал подумать над его предложением о заключении с ним Соглашения.

Квалификационной комиссией, путём сопоставления содержания стенограммы оперативной аудиозаписи разговора, состоявшегося 23 ноября 2018 года между следователем К. и адвокатом М., с содержанием протокола допроса адвоката М. в качестве свидетеля от 26 марта 2019 года, достоверно установлено, что адвокат М. допрашивался в качестве свидетеля именно по обстоятельствам, обсуждавшимся им в указанной беседе со следователем К.

Принимая во внимание приведённые выше обстоятельства, Комиссией сделан обоснованный вывод, с которым Совет соглашается, о том, что первая встреча адвоката М. и Х. в помещении ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве состоялась именно в ноябре 2018 года, что следует и из пояснений адвоката М. в настоящем дисциплинарном производстве.

Как указано выше и признано установленным Квалификационной комиссией, в ходе этой встречи адвокат М. и заявитель Х. обсуждали вопрос о возможном заключении между ними соглашения на защиту Х. на предварительном следствии. Кроме того, согласно пояснениям самого адвоката М., им в ходе встречи давались заявителю Х. юридические консультации и рекомендации, которые, по мнению адвоката М., могли бы улучшить положение Х., привлеченного в качестве обвиняемого по уголовному делу и заключенного под стражу.

Совет также соглашается с выводом Комиссии о том, что еще до встречи в ноябре 2018 года в помещении ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве заявитель Х. был знаком с адвокатом М. и достоверно знал о наличии у М. статуса адвоката, так как последний осуществлял защиту обвиняемого Ка. по уголовному делу, находившемуся в производстве следователя Х. Поэтому, общаясь с адвокатом М. об обстоятельствах своего уголовного дела, обвиняемый Х. воспринимал его именно как адвоката и в силу этого вправе был рассчитывать на соблюдение последним обязанности по сохранению в тайне всей сообщенной ему информации.

При таких обстоятельствах Совет признаёт установленным, что между адвокатом М. и Х. возникли и установились отношения адвоката и лица, обратившегося к адвокату за юридической помощью. Следовательно, адвокат М. был обязан исполнить обязанность по сохранению в тайне всей сообщенной ему Х. информации, а также о факте и содержании их общения.

Однако эта обязанность адвокатом М. не исполнена. Более того, содержание показаний, которые он дал 26 марта 2019 в качестве свидетеля по уголовному делу № ... по обвинению Х., об имевшем место факте обращения к нему Х. и состоявшемся между ними обсуждении возможности оказания последнему юридической помощи, а также о сведениях, полученных от Х. в ходе данного обсуждения, свидетельствует о заведомых для адвоката М. действиях против интересов Х. При этом материалами дисциплинарного производства установлено, и адвокатом М. не отрицается, что он не обсуждал и не согласовывал с Х. (в том числе, при встрече с ним в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве 11 марта 2019 года, а также в дальнейшем) ни вопрос о своей явке для допроса в качестве свидетеля по делу Х., ни содержание своих показаний.

В этой связи Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, являются адвокатской тайной.

Пункт 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

Согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката правила сохранения профессиональной тайны распространяются на: факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия

соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

В соответствии с п. 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением профессиональных обязанностей.

В силу пп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя.

Согласно п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

Срок хранения тайны не ограничен во времени (п. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В соответствии с п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката допускается использование адвокатом сообщенных ему доверителем сведений без согласия последнего в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу. Совет признаёт установленным, что таких обстоятельств у адвоката М. на момент его допроса 26 марта 2019 года не имелось.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства.

Согласно п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежит допросу в качестве свидетеля адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь.

Согласно п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежит допросу в качестве свидетеля адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь.

Поскольку между заявителем Х. и адвокатом М. во время встречи в помещении ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве в ноябре 2018 года, обсуждались вопросы, касающиеся возможного вступления адвоката М. в уголовное дело в качестве защитника Х. с заключением соответствующего соглашения, а также подробно обсуждались конкретные обстоятельства уголовного дела и возможная защитительная позиция Х. по делу, вопросы тактики, стратегии и способов взаимоотношений со следственным органом, в том числе и с целью изменения Х. меры пресечения с содержания под стражей на домашний арест (а согласно позиции самого адвоката М., обвиняемый Х. якобы даже сообщил ему сведения о своей причастности к совершенному преступлению, о чём адвокат М. также дал показания на допросе), то при таких обстоятельствах Совет признаёт обоснованным сделанный Квалификационной комиссией в Заключении вывод о том, что приведенные выше правовые положения, включая требования п. 2 и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, в полной мере распространяются на адвоката М.

Однако и эти, и все другие приведённые выше обязательные требования о сохранении адвокатской тайны адвокатом М. были проигнорированы и нарушены.

С учетом изложенного Совет признаёт опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката М. и доказанной его вину в нарушении требований п. 2 и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что адвокат М., в отсутствие соответствующего ходатайства адвоката-защитника обвиняемого Х. и согласия самого обвиняемого, явился 26 марта 2019 года по вызову следователя для допроса в качестве свидетеля и дал показания, сообщив об имевшем место факте обращения к нему за оказанием юридической помощи со стороны Х. и о сведениях, полученных от последнего в ходе данной беседы. При этом адвокат М. заведомо для него действовал не в интересах обвиняемого Х., а вопреки им.

Квалификационной комиссией также достоверно установлен факт посещения 11 марта 2019 года адвокатом М. заявителя Х. в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве. В целях прохода в СИЗО и получения свидания адвокат М. предъявил ордер от 10 марта 2019 года, в соответствии с которым ему поручается с 10 марта 2019 года «представлять интересы Х. на предварительном следствии в СК РФ».

Согласно пояснениям адвоката М., 11 марта 2019 года он посетил Х. в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве, исполняя поручение К. по заключённому между ними Соглашению на оказание юридической помощи от 10 марта 2019 года № 8, предметом которого является дача Х. юридической консультации «по условиям содержания в СИЗО-4 г. Москвы». Копия этого соглашения представлена адвокатом М. в материалы дисциплинарного производства.

Совет соглашается с критической оценкой Квалификационной комиссией объяснений адвоката М. и его представителя – адвоката К. относительно указанной цели посещения Х. в следственном изоляторе 11 марта 2019 года, поскольку мера пресечения в виде заключения под стражу была избрана в отношении Х. еще 29 сентября 2018 года, и к тому моменту, когда адвокат М. якобы собрался консультировать Х. об условиях содержания в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве, последний уже содержался там почти шесть месяцев. При этом об обстоятельствах задержания Х. адвокату М. было известно, так как он являлся защитником Ка. по уголовному делу, которое расследовал Х., а также, как указано выше, встречался и общался с Х. в следственном изоляторе еще в ноябре 2018 года. Кроме того, Х., являясь следователем Следственного департамента МВД РФ, и до своего ареста был вполне осведомлен об условиях содержания обвиняемых в СИЗО и в консультациях адвоката М. по этому вопросу явно не нуждался.

Учитывая, что адвокат М. ранее обсуждал как с Х., так и с К. возможность своего вступления в уголовное дело по обвинению Х. в качестве его защитника, и Х. обещал ему подумать над этим предложением, Совет приходит к выводу о том, что у адвоката М. имелись основания для посещения Х. в целях получения согласия на осуществление его защиты (ч. 4.1. ст. 49 УПК РФ) и, соответственно, такое свидание он мог получить на основании удостоверения и ордера. Кроме того, поскольку адвокат М. осуществлял защиту Ка., у родственников которого пропала значительная сумма денег, изъятая в ходе расследования уголовного дела, находившегося в производстве следователя Х., а также учитывая приятельские отношения адвоката М. с К., который, согласно имеющейся в материалах дисциплинарного производства стенограмме их разговора, интересовался защитительной позицией Х., Совет, как и Квалификационная комиссия, не исключает, что, посещая Х. в следственном изоляторе, адвокат М. мог также преследовать цель оказания содействия перечисленным лицам в удовлетворении их интересов во взаимосвязи с интересами Х. Однако это обстоятельство не влияет на вывод о наличии у адвоката М. оснований для посещения Х. в целях получения согласия на осуществление его защиты.

При таких обстоятельствах Совет считает избыточной квалификацию действий адвоката М., выразившихся в оформлении им ордера от 10 марта 2019 года с предметом поручения «представлять интересы на предварительном следствии в СК РФ Х.» и в посещении 11 марта 2019 года Х. в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по городу Москве, как совершённых без цели оказания обвиняемому Х. юридической помощи и, тем самым, нарушающих требования п.п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет приходит к выводу о прекращении в указанной части дисциплинарного производства, вопреки Заклучению Квалификационной комиссии, по основанию, предусмотренному пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание следующие важные обстоятельства.

Адвокатом М. проявлено умышленное, злостное, грубое и нарочитое игнорирование основополагающих требований УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Его действиями причинён существенный вред законным интересам заявителя Х. Кроме того, эти действия адвоката М. направлены к подрыву доверия как к нему самому, так и к институту независимой адвокатуры, существование и деятельность которого являются гарантией реализации конституционного права граждан, в том числе обвиняемых в уголовном судопроизводстве, на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ, постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П).

Правовые гарантии независимости адвоката и адвокатуры обеспечивают самостоятельность адвоката и невмешательство в его профессиональную деятельность. Законодатель максимально гарантировал свободу адвоката в общении с доверителем и в представительстве интересов последнего перед государственными и иными органами и третьими лицами. Зная об этих положениях федерального законодательства, граждане доверяют адвокатам. Адвокат, будучи независимым советником по правовым вопросам и профессиональным юристом, обязан соблюдать требования закона и не вправе использовать средства защиты, противоречащие закону, а также действовать вопреки интересам лиц, обратившихся к ним за юридической помощью. Эти требования адвокатом М. также грубо проигнорированы.

В соответствии с преамбулой Кодекса профессиональной этики адвоката «Существование и деятельность адвокатского сообщества

невозможны без ...заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры».

В соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

Действия адвоката М., связанные с его явкой 26 марта 2019 года на допрос к следователю в качестве свидетеля по уголовному делу № ... и дачей показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью обвиняемого Х., совершённые без согласия Х., представляют собой умышленное злоупотребление доверием и свидетельствуют о злостном пренебрежении адвокатом М. адвокатской тайной и обязанностями адвоката по её сохранению. Данные действия адвоката М., являющиеся по существу предательством интересов Х., умышленно совершены им против интересов последнего.

Таким образом, совершение адвокатом М. указанных действий порочит не только его честь и достоинство, но и подрывает авторитет адвокатуры в целом в глазах представителей как гражданского общества, так и профессионального сообщества, так как *«достоинство адвоката, есть достоинство всего сословия»* (Ф.Э. Молло).

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката М. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет считает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

Определяя в соответствии с пунктом 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, учитывая особую тяжесть нарушения и все его негативные последствия, указанные выше, считает необходимым установить его в виде 5 (пяти) лет.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", пп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18 и пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение требований части 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства) во взаимосвязи с п. 2 и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в явке 26 марта 2019 года на допрос к следователю в качестве свидетеля по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации, и даче показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью обвиняемого Х.

Установить в отношении М. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 5 (пять) лет.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе Х. от 27 февраля 2020 года (вх. № ... от 16.03.2020), в связи с отсутствием в иных действиях адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент

Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков